

Е.Ю. Кислякова

Данная статья рассматривает категорию инакости как базовую коммуникативную категорию. С позиции коммуникативистики категория инакости объективирует коммуникативное взаимодействие через отношения «Я - Другой», «Субъект - Субъект», «Субъект - Объект», поскольку основой коммуникации является направленность на Другого, его инаковость как имманентно присущее ему свойство. Ключевой составляющей человеческого существования является диалог, в ходе которого конституируется и одновременно изменяется «Я». В отличие от классической философской традиции современные исследования «Я» человека указывают на его динамический и изменчивый характер, что приводит к осознанию инаковой природы как самого «Я», так и Другого. Это осложняет любую модель коммуникации, в которой каждый из коммуникантов должен пониматься как множественность «Я»-образов, правильное переключение которых может способствовать более успешному общению.

Ключевые слова: инакость, категория коммуникативистики, отношение «Я-Другой», диалог, «Я-другое», «Другое Я».

Ранее нами было установлено, что инакость как феномен объективной действительности является категорией [3], т.е. базовой ментальной единицей, интегрирующей другие субординатные ментальные единицы, такие, как «Я», «не-Я», «Ты», «Другой», «другое», «свой», «чужой», «он/она/оно/они» и др. Обращаясь к проблемам, которые являются предметом изучения коммуникативистики как раздела современного языкознания, нельзя не заметить, что категория инакости имеет непосредственное отношение к различным ее аспектам. Так, в самом определении коммуникации как процессе социального конструирования акцент делается на обязательном наличии Другого, его «подключении» к посланному смыслу нового смысла того, как он воспринял это сообщение, иными словами, коммуникация предполагает, что некое сообщение переживается Другим.

Говоря с другими, в нашем голосе звучит множество голосов. Рассуждая в терминах М.М. Бахтина, «каждое высказывание полно отзвуков и отголосков других высказываний, с которыми оно связано» [1, с. 195]. «Когда мы выбираем слова в процессе построения высказывания, мы далеко не всегда берем их из системы языка... Мы берем их обычно из других высказываний» [1, с. 191]. «Индивидуальный речевой опыт всякого человека формируется и развивается в непрерывном и постоянном взаимодействии с чужими индивидуальными высказываниями. Этот опыт в известной мере может быть охарактеризован как процесс освоения – более или менее творческого – чужих слов (а не слов языка). Наша речь, т.е. все наши высказывания (в том числе и творческие произведения), полна чужих слов, разной степени чужести или разной степени освоенности, разной степени осознанности и выделенности» [1, с. 193]. Учитывая данные умозрения исследователя М.М. Бахтина, следует подчеркнуть, что инакость как коммуникативная категория актуализируется в процессе общения с определенной функциональной особенностью – распознать степень готовности Другого к *со-трудничеству*, *со-действию*, *со-переживанию* и разделению взглядов и мнения коммуниканта. При этом готовность понимается не как желание (не столько как желание), но как «когнитивно-коммуникативная зрелость», компетентность воспользоваться данным извне (изначально чужеродной среды) языком, конвенциональным знаком как знаком освоенным в той или иной мере, ориентируясь на его объективное значение. Вместе с тем, обозначая знаками те или иные явления объективной действительности, каждый из нас имеет свое собственное представление о них – свой набор референций, свое концептуальное содержание знака. Чем больше данный параметр варьируется у коммуникантов, тем более эксплицитно проявляет себя категория инакости в процессе общения. Например, следующий отрывок из прозы В. Набокова иллюстрирует этот тезис:

«Апельсины», - сказал Лужин, указывая тростью на лоток. «Хотите купить?» - спросила жена. – Смотрите, мелом на доске: сладкие как сахар. «Апельсины», - повторил со вкусом Лужин и вспомнил при этом, как его отец утверждал, что, когда произносишь «лимон», делаешь поневоле длинное лицо, а когда говоришь «апельсин», - широко улыбаешься (Набоков. Избранные произведения).

В анализируемом фрагменте первичное употребление слова «апельсины» без семантизирующего контекста интерпретируется как желание купить и попробовать апельсины, что коммуникативно «достраивается» усилиями второго участника общения. Но вторичное

употребление той же самой лексемы указывает на иное восприятие ситуации Лужиным, что раскрывается в последующем вербальном ряде, эксплицитно выражающем индивидуально-авторские коннотативные оттенки значения слова «апельсин». При отсутствии знаний об этих личностных интерпретациях, образах и ассоциациях, данная коммуникативная ситуация может обнаружить проблемы на уровне взаимопонимания «Я» и Другого, в результате, объективируется категория инакости в коммуникации. Таким образом, одним из способов реализации инакости является коннотативная семантика единиц языка.

Думается, что коммуникация направлена на осознание и учетывание инакости любого рода с целью преодоления ее, и, в свою очередь, в самом понятии «инакость» актуализирована идея о коммуникативном взаимодействии, поскольку «иное» познается при взаимодействии с ним, через отношения «Я - Другой», «Субъект - Субъект», «Субъект - Объект». Следовательно, понятие инакости а priori входит в набор базовых коммуникативных категорий любой лингвокультуры.

Взаимный тьюнинг (подробнее см.: [6]) партнеров общения предполагает гибкое варьирование их идентичностей. Одним из ключевых аспектов, тесно сопряженных с категорией инакости, является проблема идентификации и самоидентификации. Как указывает немецкий философ и социолог Ю. Хабермас, «идеи уникальности индивида, постоянного выбора собственной идентичности приводят в дальнейшем, при появлении темы коммуникации, к представлению, согласно которому идентичность невозможно реализовать в одиночку, успешность выбора собственной идентичности зависит во многом от Других» (цит. по: [5, с. 21]). Приведенное высказывание философа заключает в себе мысль о том, что человек находит себя вне самого себя. Конституирование личности происходит в непрерывном процессе общения с внешней средой обитания, существенным элементом которой является другая личность. При отсутствии созидающей коммуникативной поддержки другого личность начинает распадаться, терять сущность самого себя, что можно проиллюстрировать художественным отрывком, в котором удивительно точно передается состояние «рассеивания» человека, не способного услышать Другого и вступить с ним в адекватное взаимодействие:

Я дремала в своем шезлонге, а рядом две молодые женщины вели громкий разговор. Я совсем этого не хотела, но пришлось выслушать его от начала до конца.

- Дорогая! Я так рада тебя видеть! Ты довольна, что я тебя разыскала на этом всемирном лежбище?

- Нет, только что пришла.

- Ты уже купалась?

- Да, перекусила на набережной. Там, у греков, очень вкусные салаты из морских фруктов. У тебя новый купальник?

- Конечно. Я ему так и сказала, что на пляже люблю бывать одна или с подругами. Знаешь, он уже изрядно мне надоел.

- Кто тебе успел рассказать? Мы с ним только сегодня решили, что с завтрашнего дня переезжаем в один пансион и снимаем номер на двоих. Он такой забавный!

- Какой ужас! Не верю... Хотя знаешь, дорогая, с произведениями искусства всегда так: ориентируешься на высокую цену и думаешь получить нечто подлинное кисти большого мастера, а тебе вручают мазню начинающего недоучки, который оказался племянником галериста.

- Совершенно с тобой согласна. Во всяком случае, я свою маникюршу никогда не рекламирую, чтобы потом не оказаться в очереди позади тех, кому имела глупость дать ее телефон (Вознесенская. Мои посмертные приключения).

В данном отрывке действие происходит в одном из уровнях ада, где внешне царит умиротворяющая атмосфера (дорогой, изысканный курорт на берегу моря, нарядные, расслабленные люди), а на самом деле, люди ведут бесцельное существование, моментально забывая, кто они такие, лишь только изредка припоминают людей, с которыми провели большую часть своей земной жизни. Здесь инакость каждого человека существует сама по себе, без способности к согласованию с другим. Цитируемый текст сохраняет лишь формальную цельность благодаря когезиальным связкам-репликам *нет, да, конечно, какой ужас! Не верю, совершенно с тобой согласна*. Однако в тексте полностью утрачивается смысловая цельность, он становится некогерентным, что позволяет классифицировать его как абсурд. Думается, что прием абсурда является ярчайшим способом реализации инакости в разных жанрах коммуникации.

Человек для раскрытия и развития собственных сил, для формирования себя в качестве личности, должен выйти за пределы самого себя, т.е. вступить в интересубъективные отношения диалога-коммуникации. Фундаментом межличностной коммуникации является отношение к

Другому, его инаковости как имманентно присущему ему свойству. Как справедливо отмечает по этому поводу психолог А.Е. Шерозия, «относясь к другому, личность не только оценивает себя и свои возможности, но и удостоверяется в <...> своей самостности» [7, с. 82]. Главной составляющей человеческого существования является диалог, в ходе которого конституируется и одновременно изменяется наше «Я»: какие-то его стороны актуализируются, закрепляются и утверждаются, какие-то теряют свою значимость и становятся латентными. Согласно коммуникологам, во взаимодействии коммуникантов происходит согласование наших Я – соотнесение того, как вижу себя в данной ситуации я сам, с тем, как видит меня мой собеседник. В этом смысле любое коммуникативное взаимодействие – это одновременно «переговорно-договорной процесс, процесс согласования идентичностей» [4], при этом в одном разговоре согласование может проходить мирно и незаметно, в ином – напряженно, активно, временами даже агрессивно. Именно второй случай является коммуникативным актом, в котором более наглядно реализуется категория инакости, например:

'What have you been up to, Caris?' says Mac.

'I was with a friend.'

'George?'

Caris shrugs. <...>

'I don't want you seeing that George again,' he tells her. 'I've been round. I've told his parents.'

'What are you talking about?' sneers Caris.

'I told you. I've been to his house.'

'What did you do that for?'

The idea of Mac in George's house is so horrible that Caris bursts into tears.

'Why don't you leave me alone?' she sobs. 'I don't want you messing in my life.'

'You can't look after yourself,' shouts Mac. 'Look at you!' (Darling. The Taxi Driver's Daughter).

Приведенный отрывок из современного англоязычного романа Джулии Дарлинг – пример коммуникативного проявления такой стороны повседневной жизни, как проблема отцов и детей. Пятнадцатилетняя девушка Кэрис, мать которой попадает в тюрьму, оказывается неспособной принять новые обстоятельства и мужественно вытерпеть их, как это делает ее старшая сестра, Стелла. Кэрис отдалается от семьи, бросает школу, уходит в новый, прежде чуждый и недоступный для нее мир – мир любовных связей, легких денег, свободных от ответственности поступков. Это меняет ее отношение к жизни и близким. Она утрачивает свое прежнее «Я», становится агрессивной (что иллюстрирует данный пример), неконтактной. Здесь инакость проявляется в когнитивном диссонансе представлений дочери о поведении отца и эмоциональном восприятии данной ситуации самим отцом. Не учитывая желание отца помочь, Кэрис характеризует его действия так, будто он, вмешиваясь, вносит беспорядок в уклад ее жизни (*I don't want you messing in my life*), хотя это именно она сама внесла в свою судьбу хаос, что объясняется трансформациями в ее эмоционально-чувственной, и, как следствие, нравственной сфере. Все это приводит к ответной агрессии отца (*shouts Mac*). Таким образом, модифицированное «Я» героини, иная самоидентификация, приводит к коммуникативному осложнению отношений «Я - Другой», и поддерживает категориальный статус инакости на вербальном (*The idea of Mac in George's house is so horrible, leave me alone, you can't look after yourself*) и невербальном уровнях (просодия, фонация, мимика – *sneers*. жестика – *shrugs, bursts into tear*).

Традиционно «Я» понимается как некая духовная сущность, которая отличает нас от других и которая заключена «внутри» нас. Мы привыкли отождествлять границы Я с границами своего физического тела, а само тело воспринимать как вместилище нашего Я. Язык отражает такое понимание нашего Я следующим образом: *не сдержался, вышел из себя, был вне себя от негодования, готов лопнуть от смеха, ушел весь в себя, хватит копаться в себе, держи себя в руках, to be self-possessed, to be self-contained, to collect oneself, to be beside oneself with rage, etc.* Следовательно, в обыденном понимании «Я» – это некое внутреннее ядро, глубинная сущность, носителем которой выступает физическое тело.

Классическая философская традиция тоже учит нас воспринимать «Я» как некую обособленную, существующую саму по себе, монадную субстанцию, т.е. субстанцию отдельную, автономную, противопоставляющей себя окружающей среде, при этом субстанцию рациональную. На такое же понимание традиционно ориентирует нас и психология – воспринимать «Я» как глубоко личностное, индивидуальное, внутреннее.

Современные социальные науки, не отрицая вклада классической философской традиции, автономизировавшей человеческую личность, предлагают иной акцент в понимании человеческого «Я» – акцент на его процессности и динамичности. «Я» современного человека понимается как изменчивое (*elusive, fluid, fleeting*); как то, что мы постоянно ищем и стремимся обрести, но что невозможно утвердить раз и навсегда; и то, что активизируется соответствующим окружением (*cued and activated by relevant settings*) [9].

В современных социальных подходах «Я» определяется как социальный конструкт: Я возникает, живет и действует только в социальном мире, только в отношениях и через отношения человека с другими. «Я» порождается в отношениях и одновременно само порождает отношения (рефлексивность «Я»). В нем представлены в свернутом виде все наши жизненные отношения, как настоящие, так и прошлые. Таким образом, «Я» – это социальное образование, онтологичность которого определяется инакообразием отношений со всеми другими, формирующих и изменяющих сущность «Я» в процессе коммуникации. Если с позиции философии, как классической, так и современной, «Я» представляет собой более-менее четкую оппозицию другому, то в рамках науки о коммуникации «Я» «вплетено» в другое, оно пронизано им, и каждый раз объективирует те или иные его стороны. Можно сказать, что через других мы становимся самими собой: «Личность становится для себя тем, что она есть в себе, через то, что она представляет для других» [2, с. 169].

В непосредственной включенности в «действия в ответ на действия» вызываются к жизни разные стороны человеческого «Я», что позволяет говорить о множественности его идентичностей, формирующихся под влиянием инакости объективной действительности в целом и любой коммуникативной среды, в частности. При этом в каждом случае мы имеем подлинное проявление «Я» как отражения того или иного категориального признака инакости. Американский философ Уильям Джеймс верно заметил, что у человека столько разных Я, сколько в его жизни людей, с которыми он общается [8].

Что происходит в процессе общения, если инаковы обе взаимодействующие стороны – и «Я», и Другой? Развивая общепринятое в коммуникативистике положение о том, что посредством коммуникации и в ходе коммуникации мы создаем и закрепляем определенный образ себя не без участия в этом процессе собеседника, можно предположить, что в акте коммуникации происходит не только совместное конструирование идентичностей, но и «согласование» инакостей друг друга, поиск общих мест. В данном процессе партнеры учатся воспринимать друг друга, принимать и поддерживать образ «Я» как свой, так и Другого, отвергать или игнорировать какие-то неактуальные стороны себя и Другого. Это как два калейдоскопа в постоянном движении, стремящиеся создать наиболее гармоничный образ. При этом необходимо учитывать, что ни «Я», ни Другой сами по себе не являются самодостаточными в процессе коммуникации, поскольку коммуникативное взаимодействие требует разрыва в замкнутости интериорного существования (Левинас) и возникновения отношения самотождественного к Другому и наоборот. Таким образом, отношения «Я-Другой», объективирующие коммуникативную категорию инакости, являются базовым отношением, которое уточняет и, в свою очередь, усложняет любую модель коммуникации. Учитывая все многомерность отношений «Я - Другой», можно схематично представить коммуникативное взаимодействие Я и Другого в следующем виде:

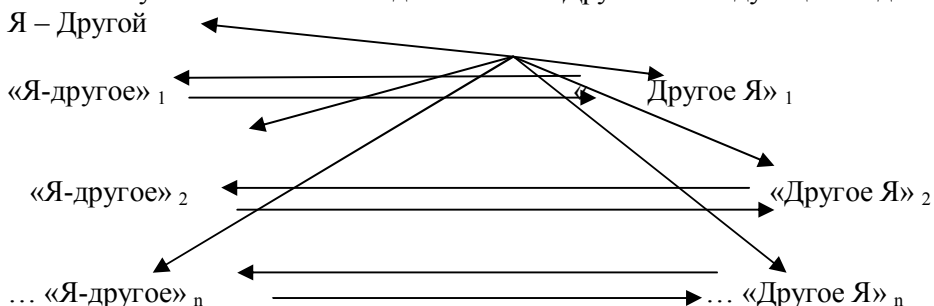

Схема 1. Коммуникативное взаимодействие Я и Другого.

Данная схема отображает сложность коммуникативного процесса в результате безграничной множественности выбора Я-образа коммуникантами, отсюда проблемы взаимопонимания, затруднения в коммуникации. Думается, что если человек способен перекодировать «Я-другое» внутри «Я», то возникает больше коммуникативных предпосылок избежать коммуникативных помех. В таком случае перед коммуникативистами встает новая задача по определению тех компетенций, которые необходимо развивать, чтобы более гибко

переключать «Я-образы» в процессе общения и реагировать на соответствующее переключение «Другого Я». Данная проблема является перспективным направлением современной коммуникативистики.

The article focuses on the category of alterity as a basic category of communication. From the point of view of theory of communication the category of alterity reveals communicative interaction via the relation "Self-Other", "Subject-Subject", "Subject-Object" since communication is grounded on the interrelation with the Other, its difference as an immanent quality. The key constituent of the human existence is dialogue in which a human Self is built and restructured. Unlike classical approaches to the essence of human Self, modern studies point out its dynamic and changeable nature and it results in understanding unsteadiness of both Self and the Other. It complicates any model of communication where each communicator must be represented as a complex of Self-images, that if actualized adequately can lead to more successful communication.

The key words: *alterity, category of communication, relation "Self-Other", dialogue, "Self-other", "Another Self".*

Список литературы

1. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Собр. соч. Т. 5. М.: Русские словари, 1996.
2. Выготский Л.С. История развития высших психических функций. Собр. соч. Т. 3. Проблемы развития психики. М.: Педагогика, 1983.
3. Кислякова Е.Ю. Проблема лексикографирования *инакости* и *инаковости*: уточнение понятий // European Social Science Journal, 2012. № 1. С. 183–190.
4. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О.И. Матяш, В.М. Погольша, Н.В. Казаринова, С. Биби, Ж.В. Зарицкая. Под науч. ред. О.И. Матяш. СПб.: Речь, 2011.
5. Половцев Д.О. Проблема инаковости в творчестве Э.М. Форстера: Дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2008.
6. Шаховский В.И. Что такое эмоциональный тюнинг в межличностном общении? // Гуманитарные знания в современном образовательном процессе. Сб. науч. тр. Воронеж, 2009. С. 319–322.
7. Шерозия, А. Е. Психика. Сознание. Бессознательное Psychics. Consciousness. Unconsciousness: К обобщ. теории психологии. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
8. O'Brien J. (Ed.). The production of reality: Essays and readings on social interaction. – Thousands Oaks: Pine Forge Press, 2006. P. 238.
9. Scott C.R., Corman S.R. and Cheney G. Development of a structural model of identification in the organization // Communication Theory, 1998.– 8 (3). P. 298–336.

Об авторе

Кислякова Е. Ю. -кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

- 1.
- 2.
- 3.
- 4.
5. 400009, Волгоград, ул. Титова, д. 6, кв. 19.
6. kisjen@rambler.ru
7. 8-902-384-65-21
8. The category of alterity in theory of communication.
9. Evgenia Yurievna Kislyakova.